

«Репатриация» айнов Южного Сахалина после Второй мировой войны

Юлия Ивановна Дин,

кандидат исторических наук, заведующая научно-редакционным отделом Сахалинского областного краеведческого музея, докторант Санкт-Петербургского института истории РАН, Южно-Сахалинск.

E-mail: din.iuliia@gmail.com

Статья посвящена актуальному вопросу послевоенной истории Сахалина и Курильских островов — обстоятельствам выезда (или репатриации) одного из островных коренных народов — сахалинских айнов. Они веками проживали на Сахалине и Курилах, в период японского правления подверглись сильной японизации, однако сохранили культуру, язык и представления о своём народе. После Второй мировой войны и перехода Южного Сахалина и Курильских островов от Японии к СССР айны могли стать одним из советских народов, возможно, получить новый толчок для развития. Однако советская администрация, изначально настроенная на сохранение их на Южном Сахалине, в итоге поменяла своё мнение по данному вопросу. Практически все сахалинские айны покинули остров и выехали вместе с японцами на Хоккайдо. В причинах данного события историки не уверены до сих пор ввиду невозможности в полной мере изучить источники, связанные с соответствующей политикой СССР. Однако уже сейчас в статье ставятся важные исследовательские вопросы: можно ли называть выезд айнов репатриацией, каким образом менялось отношение к ним советских органов власти и получится ли в будущем выявить причины того, почему на Сахалине айны больше не проживают.

Ключевые слова: репатриация, Вторая мировая война, айны, Карафутто, Гражданское управление Южного Сахалина и Курильских островов.

“Repatriation” of Ainu of South Sakhalin after the Second World War.

Yulia Din, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.

E-mail: din.iuliia@gmail.com.

The paper is devoted to the topical issue of the post-war history of Sakhalin and the Kuril Islands — the circumstances of the departure or repatriation of one of the indigenous peoples — the Sakhalin Ainu. They lived on the islands for centuries, during the period of Japanese rule they underwent strong Japanization; however, they retained their culture, language, and ideas about their people. After World War II and the transition of South Sakhalin and the Kuril Islands from Japan to the Soviet Union, they could become one of the Soviet peoples possibly

getting a new impetus for development. However, the Soviet administration, initially determined to preserve the Ainu in South Sakhalin, eventually changed its opinion on this issue. Almost all Sakhalin Ainu left the island to Hokkaido with the Japanese. Historians are still not sure of the reasons for this event due to the impossibility of fully studying the sources associated with Soviet policy in relation to the Sakhalin Ainu. Nevertheless, already now the paper raises important research questions if it is possible to call the departure of the Ainu as “repatriation”, how the policy of the Soviet authorities toward the Ainu changed, and if it is possible to identify the reasons why the Ainu no longer live on Sakhalin.

Keywords: repatriation, World War II, Ainu, Karafuto, civil administration of South Sakhalin and the Kuril Islands.

Одной из самых актуальных проблем современной истории айнов является вопрос об их «репатриации» — выезде с Южного Сахалина после Второй мировой войны. Как известно, согласно Советско-американскому соглашению 1946 г., репатриации с Южного Сахалина и Курильских островов, поменявших свою принадлежность по результатам войны, подлежали японские гражданские лица (по желанию) и японские военнопленные. В течение репатриационной кампании 1946—1949 гг. острова через лагерь № 379 в Маоке (Холмск) покинуло 295 957 чел. — 279 608 гражданских лиц и 16 349 военнопленных¹. Как же в числе выехавших в Японию оказались айны — коренной народ Южного Сахалина и изначально не подлежавшие репатриации люди?

В историографии не так много работ, которые затрагивали бы эту тему. Японские учёные в основном утверждают о добровольности выезда айнов. Например, этнограф и антрополог Сакудзаэмон Кодама, приводя подробную статистику, пишет, что айны, ороки и нивхи последовали в Японию вслед за репатрируемыми японцами [16, р. 53]. Российские учёные же расходятся в оценке событий. М.С. Высоков считает, что политика японизации, антисоветская пропаганда со стороны Японии и слабое знание советской администрацией айнской проблемы привели к выезду айнов [2, с. 4], а поскольку под термином «репатриация» обычно понимают возвращение эмигрантов в страну их происхождения с восстановлением в правах гражданства, то выезд сахалинских айнов на Хоккайдо называть репатриацией нельзя [3, с. 300]. Ч.М. Таксами как причину выезда айнов указывает их сильную японизацию, уговоры со стороны японцев и провал советской агитации в пользу Сахалина [13, с. 84—85]. В.А. Тураев

¹ Численность репатриированных японцев Южного Сахалина и Курильских островов подсчитана автором по материалам фонда «114 Пограничного отряда управления погранвойск Сахалинского округа (379 Транзитный лагерь)» [ГИАСО. Ф. Р-494. Оп. 1. Д. 1—209]. Согласно выводам В.Л. Подпечникова, общее количество репатриированных составляло 283 711 (или 280 638) чел. [10, с. 258], Д.Н. Крюков в своих воспоминаниях пишет о 357 тыс. чел. [8, с. 115].

утверждает, что нежелание советской администрации оставлять на Сахалине айнов было обусловлено стремлением избежать в будущем конфликтных ситуаций с Японией по поводу принадлежности Сахалина и Курил, поскольку Япония всегда рассматривала любую территорию, где живут айны, как свою [14, с. 223]. С.Ч. Лим считает, что «репатриация» была обусловлена возвращением айнов в «страну гражданства», т.е. в Японию, и они сами хотели уехать туда, несмотря на хорошее отношение со стороны советской власти и прибывающего русского населения [9, с. 131]. Т.П. Роон иллюстрирует своё мнение словами из письма Б.А. Жеребцова: «„Японизированных айнов“... толкнули уйти в Японию во время репатриации японцев с Сахалина», и отмечает, что учёные, пытавшиеся изучать айнов и надеявшиеся на включение последних в список народов Советского Союза, были выдавлены из науки [11, с. 141]. Однако сегодня голос тех исследователей, которые возлагают вину за «репатриацию» айнов на политику советской администрации, звучит всё слабее, а причины «японцы вывезли», «айны сами хотели»² выходят на первый план.

Например, в научно-популярном издании «Белая книга айнского народа» (к сожалению, оно анонимно, автор/авторы не указали своих имён) утверждается, что причиной выезда айнов с Южного Сахалина стала мощная агитация японцев, убеждавших их переехать на Хоккайдо при помощи следующих аргументов: «русские не задержатся на острове надолго, японцы вновь вернут его себе — и тогда айнам не миновать наказания за сотрудничество с советскими властями», были и угрозы родственникам на Хоккайдо, и обещания достойных условий жизни в Японии и хорошей работы [1, с. 71]. В книге также написано, что айны прыгали с пароходов в воду, не желая покидать Сахалин, а японцы насильно увозили их с острова [1, с. 71]. Данные аргументы представляются несостоятельными по той причине, что в 1947—1948 гг. на Сахалине был установлен полный суверенитет СССР, именно советские органы осуществляли репатриацию японского населения, и нелогично предполагать, что таковые поступки японцев прошли бы незамеченными советскими управленческими и репатриационными органами, не говоря уже о пограничных войсках. Да и действия японцев не выглядят разумными в данном случае, поскольку совсем не ясна причина, по которой мирное гражданское население, и так деморализованное проигрывшем в войне и потерей собственных домов, могло использовать такие методы.

На современном этапе мы не можем однозначно ответить на вопрос о причинах выезда айнов. Т.П. Роон утверждает, что многие фотографии, полевые записи, выступления, данные переписи айнов были изъяты из разных архивов по политическим мотивам и остаются скрытыми до настоящего времени [11, с. 142]. В таких условиях найти источники, точно указывающие на ответ, практически нет никакой возможности. Однако

² К слову сказать, корейцы Южного Сахалина не только хотели выехать с острова, но заявляли об этом неоднократно, даже под угрозой уголовного преследования и репрессий. Однако в советский период им не было позволено покинуть остров.

о ходе прошедших событий можно предположить по косвенным свидетельствам, сохранившимся в доступных материалах российских архивов.

Стоит сказать, что настроения советских органов власти по поводу айнов были озвучены в течение года после перехода Южного Сахалина и Курильских островов к СССР. Изучив обстановку на вверенной ему территории, начальник Гражданского управления Южно-Сахалинской области Д.Н. Крюков 26 августа 1946 г. отправляет в Хабаровский крайком докладную записку, в которой кратко описывает историю айнов Южного Сахалина, приводит численность (около 1100 чел.), утверждает, что их «японизация» не приобрела значительных размеров (в основном проявляется в использовании японского языка, при этом старшее поколение говорит на айновском языке и помнит русский, нет смешанных браков, сохранились первобытные обычаи и сильна этническая идентификация), и предлагает ряд следующих мер для возрождения культуры айнов:

«1. В целях прекращения дальнейшей японизации айнов и растворения в чуждой им японской культуре войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о разрешении айнам, как коренным жителям Сахалина, принять советское гражданство. Обязательным условием этого мероприятия должна быть строгая добровольность в подаче айнами заявлений о принятии советского гражданства. Такое решение вопроса об айнах рассеет неуверенность у последних в своём будущем, ибо усиленная агитация японцев и провокационные слухи о скором выезде в подлинно Японию ставит айнов в неопределённое положение.

2. Разрешить Управлению по гражданским делам Южно-Сахалинской области выделить айнов из среды японского и корейского населения в отношении снабжения продовольственными и промышленными товарами. Приравнять айнов-рыбаков в снабжении с советскими гражданами, занятыми в рыбной промышленности Южного Сахалина.

3. Просить Академию наук СССР направить на Южный Сахалин группу научных работников для глубокого изучения этнографии и истории коренных жителей острова — айнов. Начало в этой работе уже положено приезжавшим на Южный Сахалин от институтов языка и мышления и этнографии Академии наук СССР доктором филологических наук профессором Яковлевым» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 2018А. Л. 100—101]. Как мы видим, Д.Н. Крюков решительно придерживался мнения, что айны покидать Сахалин не должны.

19 декабря 1946 г. было заключено Советско-американское соглашение о репатриации населения с территориями СССР и находящихся под контролем СССР, согласно которому репатриации подлежали японские военнопленные и японские гражданские лица (последние — на добровольных началах). Портом на Южном Сахалине, через который проходила репатриация, выбрали г. Маока³. Там, в здании бывшей японской

³ С 5 июня 1946 г. — г. Холмск Сахалинской области. Несмотря на то, что город был переименован до начала репатриации, в источниках ещё долгое время его часто называли прежним именем.

женской гимназии открыли лагерь № 379 максимальной вместимостью 5 тыс. чел. [15, с. 404], где советские власти должны были сосредотачивать японское население, подготовленное для репатриации [15, с. 401]. При этом именно органы Гражданского управления (а позднее Сахалинского облисполкома) на местах — в районах и городах Южного Сахалина и Курильских островов — составляли списки подлежащих репатриации, обеспечивали транспорт до лагеря № 379. Далее советские органы должны были организовать питание в лагере, проследить за тем, чтобы среди репатрируемых не было больных и плохо одетых людей, осуществить таможенное оформление уезжающих. В порт Маока приходили пароходы, присланные американским штабом Д. Макартюра (сами пароходы и экипажи были японскими), на них грузили людей, и затем транспорт шёл на Хоккайдо. То есть советские органы власти контролировали весь ход процесса репатриации японского населения вплоть до посадки людей на пароходы.

В фонде Холмского райисполкома Сахалинской области⁴ сохранился документ от 1 августа 1947 г., который показывает: с одной стороны, айны каким-то образом попадали в репатриационные списки, а с другой — Сахалинский облисполком строго предупреждал районные власти, что айны репатриации ни в коем случае не подлежат [ГИАСО. Ф. Р-557. Оп. 1. Д. 4. Л. 27].

Между тем в ноябре 1947 г. начальник секретного отдела Академии наук СССР К.Н. Почекутов докладывал временно исполняющему обязанности заместителя Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации⁵ генерал-майору Я.Д. Басилову, что Амурско-Сахалинская экспедиция Института этнографии Академии наук СССР, которой было поручено провести антропологические исследования айнского населения Сахалина, обнаружила, что значительная часть айнов объявила себя японцами и находится в лагере № 379 в г. Маока. Экспедиция не могла осуществить исследования, так как требовался особый допуск для прохождения в лагерь [ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 404. Л. 248].

22 ноября 1947 г. заместитель Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации К.Д. Голубев докладывал заместителю министра иностранных дел Я.А. Малику, что «лица различных национальностей японского

⁴ После ликвидации Гражданского управления Южного Сахалина и Курильских островов штат его сотрудников перешёл в Сахалинский облисполком. Сам Д.Н. Крюков стал его председателем и был им до 1950 г.

⁵ В 1944 г. Совет народных комиссаров СССР (с 1946 г. — Совет министров СССР) утвердил Положение об уполномоченном по делам репатриации и установил штаты управления и его представительств за границей. Сотрудники занимались розыском перемещённых советских граждан за рубежом, обеспечивали их содержание в сборно-пересыльных лагерях и переезд на родину, решали вопросы распределения, расселения, хозяйственного и трудового устройства советских репатриантов, а также осуществляли меры по репатриации иностранных граждан и обеспечивали их временное содержание в советских транзитных лагерях и приёмно-передаточных пунктах [ГА РФ. Ф. Р-9526. Историческая справка фонда].

подданства, проживающие на территории Южного Сахалина, не изъявляют желание остаться на Южном Сахалине с принятием советского гражданства» [ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 404. Л. 311].

Вполне возможно, что часть айнов, особенно те, кто был более сильно интегрирован в японскую культуру, изъявляли желание выехать в Японию. Как пишет Б.А. Жеребцов, исследование которого является важнейшим источником сведений о послевоенном периоде пребывания айнов на Сахалине (см. рис. 1), некоторые айны, записанные в паспортах как японцы, уехали вместе с ними на Хоккайдо во время репатриации [7, с. 39]. Согласно воспоминаниям айнки Кунико Оськинэ, её отец стыдился того,

Рис. 1. Сотрудник СОКМ Б.А. Жеребцов и айнская семья.
1949 г., с. Новое [СОКМ. КП-60/7]

что он айн, и во всём подражал японцам: носил такую же одежду, причёску, говорил на японском, старался вести себя как японец. При этом большей части айнов, особенно старшего возраста, такое поведение было несвойственно — они говорили по-айнски, носили айнскую одежду, совершали обычные для айнов ритуалы, отмечали праздники своего народа [4, с. 83—84]. Тем не менее мы видим, что существовали айны, которые полностью восприняли японскую культуру и идентифицировали себя японцами. Скорее всего, они могли записаться у советских органов как японцы и таким образом попасть в списки репатриантов.

Также Б.А. Жеребцов пишет, что в 1948 г. айны получили право на выезд в Японию, но исключительно по собственному желанию⁶ [7, с. 39]. К сожалению, данный документ в российских архивах найти не удалось, но, судя по всему, Б.А. Жеребцов прав и какое-то постановление (вероятно, на местном, сахалинском уровне, поскольку все документы уполномоченного по делам репатриации рассекречены) по данному поводу было. Вопрос о полной добровольности, даже если он был прописан в этом документе, может быть подвергнут сомнению, поскольку японское гражданское население, также согласно Советско-американскому соглашению 1946 г., репатрировалось по собственному желанию, но на практике оставались на Сахалине и Курильских островах только те, кто имел для этого весомое основание (например, состоял в браке с корейцами или русскими).

Б.А. Жеребцов пишет, что большинство айнов выразило желание выехать в Японию, а меньшинство с отъездом сородичей стало чувствовать одиночество и последовало за ними [7, с. 40]. Вполне возможно, так и произошло — советские органы дали разрешение и не нашли аргументов, чтобы уговорить айнов остаться. Почему же это случилось, если ещё в 1946 г. Д.Н. Крюков был уверен, что айны должны проживать на Сахалине и стать частью советского народа?

Возможно, некоторый свет на данную ситуацию прольёт дело «Этнографические очерки, справки и материалы о народности нивхов на острове Сахалине за 1948—1949 гг.», хранящееся в Государственном историческом архиве Сахалинской области [ГИАСО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 377. 177 л.]. Оно представляет собой несколько экземпляров черновика справки, которая была запрошена в октябре 1948 г. у председателя Сахалинского облисполкома Д.Н. Крюкова академиком АН СССР, президентом Географического общества Л.С. Бергом о социальном быте и жизни нивхов на Сахалине [ГИАСО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 377. Л. 34—34 об.]. Л.С. Берг просил собрать эти сведения для написания монографии о нивхах, апеллируя к тому факту, что про данную народность у Географического общества очень мало материалов.

⁶ В переписке же с сотрудником Сахалинского областного краеведческого музея М.М. Прокофьевым, которую Б.А. Жеребцов вёл уже через много лет, в 1984 г., он излагал другую точку зрения: что «„японизированных“ айнов вытолкнули с Сахалина» [НА СОКМ. Оп. За. Д. 261. Л. 5 об.].

Ответом стала справка за подписью Д.Н. Крюкова, которую, разумеется, готовил не он, а его подчинённые. Был сделан запрос в районные исполнительные комитеты Северного Сахалина (на Южном нивхов практически не было), откуда прислали детальное описание жизни представителей народности на этих территориях. В данной справке излагались история и культура нивхов, в ней приводился краткий анализ работ Л.Я. Штернберга о происхождении нивхов, их войнах с айнами, расселении по Сахалину, особенностях быта. Также сообщалось о тех усилиях, которые приложила советская власть, чтобы цивилизовать нивхов и приобщить их к современной культуре: были созданы нивхские колхозы, где нивхи вместе с русскими занимаются рыбной ловлей, лесопилением, оленеводством, сельским хозяйством; нивхи перешли в «оседлое состояние», живут в новых построенных домах, практически не отличаются в быту от русских; в нивхских колхозах повсеместно организованы красные уголки, построены современные магазины, бани, конюшни, овощехранилища, школы. Детально в справке описан один из показательных колхозов Сахалинской области «Чир-Унвд» («Красная жизнь»), пример которого должен был иллюстрировать, как изменилась жизнь нивхов в лучшую сторону после прихода советской власти [ГИАСО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 377. Л. 1–16].

Разумеется, можно подвергнуть сомнению некоторые постулаты справки за подписью Д.Н. Крюкова, часть которой — обычная советская пропаганда, ещё часть — желание советского чиновника отчитаться о собственной хорошо проделанной работе⁷. Однако о коренных изменениях в жизни нивхов и их довольно богатой по сравнению с царским периодом жизни в те годы есть достаточное количество и других свидетельств. Например, в 1949 г. Академия наук СССР отправила двух сотрудников Ленинградского государственного университета — К.А. Новикову и В.Н. Савельеву — в научно-лингвистическую экспедицию для изучения нивхов Сахалина. Полевой дневник экспедиции хранится в Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) и впервые был введён в научный оборот сотрудником Сахалинского областного краеведческого музея О.Ф. Соловьёвой в 2021 г. [12]. Описывая свои впечатления от колхоза «Чир-Унвд», автор полевого дневника К.А. Новикова указывает на наличие МТС (машинно-тракторной станции) в колхозе, который в основном занимается сельским хозяйством, тогда как традиционные занятия нивхов — рыболовство и охота — носят только подсобный характер; построенных русских домов для нивхов; множества коров, кур, свиней; 4-летней школы (с русским языком обучения) и яслей для нивхских и русских детей и т.д. Описывает К.А. Новикова и минусы жизни в нивхском колхозе: нет радио и электричества, отсутствует 7-летняя школа, в селении грязно и стоит зловоние от вялящейся на солнце рыбы, нет уборных; по свидетельству колхозного врача, 75% жителей больны туберкулёзом, у многих трахома, смертность

⁷ В 1940–1944 гг. Д.Н. Крюков был председателем Сахалинского облисполкома, советский Сахалин в тот период ограничивался только северной частью острова.

превышает рождаемость [12, с. 85—86]. Поразило К.А. Новикову богатство торжественного захоронения умершего, проведённого в период её пребывания в колхозе — умершего хоронили в белоснежной русской рубашке и японском халате с драконами, в синих носках и нерпичьих сапогах, его накрывали куском красивого китайского шёлка красного цвета, лицо закрывали куском белого шёлка и т.д. [12, с. 87]. Несмотря на описанные минусы, очевидно, что советская власть приложила немалые усилия и выделила существенные ресурсы для того, чтобы вывести нивхов практически из первобытного, бедного состояния, создать им условия, более-менее соответствующие первой половине XX в.

Казалось бы, какое отношение данный сюжет имеет к выезду айнов Южного Сахалина? Однако на одном из оборотных листов справки о нивхах, которую редактировал и подготавливал для отправки академику Л.С. Бергу лично Д.Н. Крюков (в документе имеются его множественные правки и автограф с датой), простым карандашом почерком Д.Н. Крюкова записаны некоторые фрагменты мыслей, которые волновали его в период работы над справкой. Часть текста неразборчива, однако кое-что прочитать возможно. Он пишет, что правительство решает две задачи: сокращение расходов путём сверхпланового снижения себестоимости продукции и необходимость поднять промышленное производство и сельское хозяйство путём денежной реформы. Достижение этих целей, считает Д.Н. Крюков, возможно с помощью глубокой политической работы с инженерно-техническими и рабочими кадрами, изучения экономии заводов и выявления резервов, механизации труда и внедрения новых методов производства, борьбы с потерями на производстве [ГИАСО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 377. Л. 16 об.].

Имеют ли данные мысли, волновавшие начальника Гражданского управления и председателя Сахалинского облисполкома во время его работы над справкой о быте и жизни нивхов Северного Сахалина, отношение к айнам и их «репатриации»? Очевидно одно — для того, чтобы оставить айнов проживать на Сахалине, советскому сахалинскому руководству пришлось бы потратить существенные ресурсы для налаживания их быта, доведения уровня жизни хотя бы до уровня жизни нивхов. При этом, в отличие от корейцев, которые работали на производстве (в угольных шахтах, в лесодобывающей промышленности, на строительстве и целлюлозно-бумажных заводах), айны традиционно занимались рыбной ловлей и только ей (за пределами своих традиционных мест обитания они также занимались батраками к рыбакам-японцам). Корейцам выехать с острова не позволили, несмотря на неоднократно высказываемое желание и даже начавшееся движение за репатриацию. Интеграция же айнов в советскую систему, как, видимо, стало очевидно, пусть и не сразу, Д.Н. Крюкову, потребовала бы существенных финансовых и организационных вливаний без точно предсказуемого результата и без особой пользы для экономического развития Сахалинской области.

Стоит также указать на тот факт, что советское правительство не отреагировало на первую просьбу докладной записки Д.Н. Крюкова — предоставить

айнам советское гражданство, — без чего невозможно было бы обеспечить стабильные условия жизни для них и, возможно, пробудить у айнов желание жить на советском Сахалине. К слову сказать, корейцы, которые практически против своей воли остались в СССР, получили право на советское гражданство только в 1979 г., а до этого были вынуждены проживать на положении лиц без гражданства.

В качестве примера, иллюстрирующего изменение отношения советских органов власти к айнскому населению, можно привести сюжет из книги «Курильское ожерелье» публициста, писателя и журналиста Ю.К. Ефремова. Он побывал на Сахалине и затем на Курильских островах в 1946 г. и, судя по тексту⁸, не только встречался с айнами на Итуруп⁹, но и разговаривал о них с представителями сахалинских властей. В первом издании своей книги, которая увидела свет в 1951 г., он пишет: «Около часа проговорили мы об айнах с начальником политотдела области. Ему было важно выяснить многие моменты из истории айнов и их взаимоотношений как с русскими, так и с японцами. Всё это надлежало учитывать при выборе дальнейшего пути в айнском вопросе... надо изучить обычаи айнов, учесть их сегодняшние интересы и нужды, облегчить им быт, позаботиться о повышении их культуры. Шире раскроем им глаза на чудовищную вину самураев перед айнским народом. Напомним о вековых традициях дружбы русских людей с айнами. Восстановим старую айнскую географию островов, во многих местах уничтоженную или искажённую японцами. Так должен быть и будет решён среди тысячи больших вопросов „маленький“, но сложный и важный, принципиально важный айнский вопрос. Какая благородная и благодарная задача — помочь почти исчезнувшему народу возродиться и зажечь новой, счастливой жизнью на родной освобождённой земле!» [5, с. 78].

Между тем в третьем издании, которое увидело свет в 1962 г., глава о встрече с айнами и впечатлениях о них была переписана. Полностью вычеркнуты строки о «благородной и благодарной задаче» возродить айнскую культуру, а про репатриацию сообщается следующее: «На мои просьбы разрешить их сфотографировать они отвечают резким и решительным отказом... один из работников Гражданского управления на Итуруп⁹ разъяснил мне причину такого поведения молодых айнов... Сахалинские айны к этому времени не были однородной массой: часть их прожила в Японии с 1875 по 1905 г., после чего вновь была водворена на Сахалин. Значит, целое поколение айнов ещё тогда успело японизироваться. Не мудрено, что эта часть айнов, уже в трёх поколениях говорящая по-японски и даже позабывшая теперь родной язык, невольно связывала и дальнейшую свою судьбу с Японией. Айны, с которыми я говорил, уже готовились к „репатриации“, то есть к выезду в Японию вместе с японцами Итурупа.

⁸ Книга художественная, но в её основу положены реальные разговоры и впечатления Ю.К. Ефремова об островах.

⁹ Возможно, художественный вымысел — по японским и советским документам, айнов на Курильских островах в 1945 г. уже не было. См. более подробно работу С.Ч. Лим: [9].

А тут вдруг „русский начальник“ начинает их фотографировать именно потому, что они айны. Уж не для того ли, чтобы не пускать в Японию? Молодые люди напрасно беспокоились. Советское правительство не чинило препятствий к выезду таким японизированным айнам, и они в количестве нескольких сот человек в ближайшую же осень выехали в Японию. А не пожелавшие уехать несколько сотен айнов, главным образом из числа не прошедших столь давней и длительной японизации, остались жить на советской земле¹⁰» [6, с. 95—97].

Таким образом, можно подвести некоторые итоги по вопросу особенностей выезда (автор в данном случае согласен с М.С. Высоковым, что это событие не следует называть репатриацией) айнов Южного Сахалина. Советские органы власти по прибытии на острова главной целью своей работы видели трансформацию социальной, политической и экономической системы, но одними из существенных трудностей, вставших перед ними, были проблема нехватки рабочих рук для промышленности области и недостаток свободных ресурсов. В первый период власти предполагали быструю интеграцию айнов в общество СССР, однако столкнулись с необходимостью тратить на это существенную часть ресурсов. При отсутствии видимой экономической выгоды от работы айнов в промышленности островов советские органы не стали препятствовать выезду айнов с Южного Сахалина. При этом до выявления новых архивных документов открытым остаётся вопрос — советская администрация действительно «не препятствовала» или же «подтолкнула» айнов к выезду?

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белая книга айнского народа. М.: Просистем, 2019. 192 с.
2. Высоков М.С. От составителя // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея: препр.: в 7 вып. / сост. М.С. Высоков. Вып. 6: Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988. С. 3—4.
3. Высоков М.С. Прокофьев М.М. Каталог коллекций Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина из селения Староайнское (Райтиси) за 1948 г. в собрании Сахалинского областного краеведческого музея. Ответственный редактор член-корреспондент РАН, д.и.н. С.А. Арутюнов. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей; Институт наследия Бронислава Пилсудского, 2005. 96 с., 84 илл. Тираж 500 экз. // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2006. № 10. С. 299—302.
4. Высоков М.С., Шубина О.А. Последняя айнка Южного Сахалина // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея: препр.: в 7 вып. / сост. М.С. Высоков. Вып. 6: Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988. С. 82—88.
5. Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М.; Л.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1951. 224 с.

¹⁰ Последнее предложение является художественным вымыслом. Айнов как общности в послевоенной Сахалинской области нет. По переписи 1979 г. в области зафиксировано всего 3 чел., назвавших себя айнами.

6. Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М.; Л.: Государственное издательство географической литературы, 1962. 320 с.
7. Жеребцов Б.А. Материальная и духовная культура сахалинских айнов. 2-е изд., доп., испр. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2012. 196 с.
8. Крюков Д.Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945—1948 гг. (Очерки и воспоминания). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2012. 170 с.
9. Лим С.Ч. Из истории сахалинских айнов — вынужденных мигрантов: 1875—1948 гг. // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 121—135.
10. Подпечников В.Л. О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. 2003. № 10. С. 257—260.
11. Роон Т.П. В лабиринте истории и политики: советские исследования сахалинских айнов (1946—1949 гг.) // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 132—149.
12. Соловьёва О.Ф. Отчёт научно-лингвистической экспедиции АН СССР на о-в Сахалин К.А. Новиковой и В.Н. Савельевой в 1949 г. // Вестник Сахалинского музея. 2021. № 1. С. 81—110.
13. Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М.: Мысль, 1990. 318 с.
14. Тураев В.А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 213—230.
15. Японские военнопленные в СССР: 1945—1956: сб. док. / сост.: В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М.: МФД, 2013. 784 с.
16. Kodama S. Ainu: Historical and Anthropological Studies. Sapporo: Hokkaido University School of Medicine, 1970. 296 p.
17. ГА РФ (Гос. арх. Российской Федерации).
18. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
19. ГИА СО (Гос. ист. арх. Сахалинской области).
20. НА СОКМ (Научный арх. Сахалинского областного краеведческого музея).
21. СОКМ (Сахалинский областной краеведческий музей, основной фонд).

REFERENCES

1. *Belaya kniga aynskogo naroda* [White Book of the Ainu People]. Moscow, Prosistem Publ., 2019, 192 p. (In Russ.)
2. Vysokov M.S. Ot sostavitelya [From the Compiler]. *Etnograficheskie issledovaniya Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*: prepr.: v 7 vyp. Vyp. 6: Aynu: Problemy istorii i etnografii [Ethnographic Studies of the Sakhalin Regional Museum. Issue 6: The Ainu: Problems of History and Ethnography]. Compl. by M.S. Vysokov. Yuzhno-Sakhalinsk, 1988, pp. 3—4. (In Russ.)
3. Vysokov M.S. Prokof'ev M.M. Katalog kollektsey B.A. Zherebtsova po etnografii aynov Yuzhnogo Sakhalina iz seleniya Staroaynskoe (Raytisi) za 1948 g. v sobranii Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Otvetstvennyy redaktor chlen-korrespondent RAN, d.i.n. S.A. Arutyunov. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey; Institut naslediya Bronislava Pilsudskogo, 2005. 96 s., 84 ill. Tirazh 500 ekz. [Catalogue of the collections of B.A. Zherebtsov on Ethnography of the Ainu of South Sakhalin from the Village of Staroaynskoye (Raytisi) of 1948 in the Collection of the Sakhalin Regional Local History Museum.

- Chief-Editor Corresponding Member of RAN, Doctor of Historical Sciences S.A. Arutyunov, Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Local History Museum; the Bronislav Pilsudski Heritage Institute, 2005. 96 P., 84 Illus., 500 Copies]. *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo*, 2006, no. 10, pp. 299—302. (In Russ.)
4. Vysokov M.S., Shubina O.A. Poslednyaya aynka Yuzhnogo Sakhalina [The Last Ainu of South Sakhalin]. *Etnograficheskie issledovaniya Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*: prepr.: v 7 vyp. Vyp. 6: Aynu: Problemy istorii i etnografii [Ethnographic Studies of the Sakhalin Regional Local History Museum: Preprint. Issue 6: Ainu: Problems of History and Ethnography]. Compl. by M.S. Vysokov. Yuzhno-Sakhalinsk, 1988, pp. 82—88. (In Russ.)
 5. Efremov Yu.K. *Kurilskoe ozherel'e* [Kuril Necklace]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1951, 224 p. (In Russ.)
 6. Efremov Yu.K. *Kurilskoe ozherel'e* [Kuril Necklace]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury Publ., 1962, 320 p. (In Russ.)
 7. Zherebtsov B.A. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura sakhalinskikh aynov* [Material and Spiritual Culture of the Sakhalin Ainu]. The Second Revised and Corrected Edition. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey Publ., 2012, 196 p. (In Russ.)
 8. Kryukov D.N. *Grazhdanskoe upravlenie na Yuzhnom Sakhaline i Kuril'skikh ostrovakh v 1945—1948 gg. (Ocherki i vospominaniya)* [The Civil Administration in South Sakhalin and on the Kuril Islands in 1945—1948 (Essays and Memories)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2012, 170 p. (In Russ.)
 9. Lim S.Ch. Iz istorii sakhalinskikh aynov — vynuzhdennykh migrantov: 1875—1948 gg. [From the History of the Sakhalin Ainu — Forced Migrants, 1875—1948]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 121—135. (In Russ.)
 10. Podpechnikov V.L. O repatriatsii yaponskogo naseleniya s territorii Yuzhnogo Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov [About the Repatriation of Japanese Population from South Sakhalin and the Kuril Islands]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*, 2003, no. 10, pp. 257—260. (In Russ.)
 11. Roon T.P. V labirinte istorii i politiki: sovskie issledovaniya sakhalinskikh aynov (1946—1949 gg.) [In the Labyrinth of History and Politics: Soviet Studies of the Sakhalin Ainu (1946—1949)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 4, pp. 132—149. (In Russ.)
 12. Solov'eva O.F. Otchet nauchno-lingvisticheskoy ekspeditsii AN SSSR na o-v Sakhalin K.A. Novikovoy i V.N. Savel'evoy v 1949 g. [A Report by K.A. Novikova and V.N. Savel'eva on the Scientific and Linguistic Expedition of the Academy of Sciences of the USSR on Sakhalin Island in 1949]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*, 2021, no. 1, pp. 81—110. (In Russ.)
 13. Taksami Ch.M., Kosarev V.D. *Kto vy, aynu? Ocherk istorii i kul'tury* [Who are you, Ainu? Essay of the History and Culture]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 318 p. (In Russ.)
 14. Turaev V.A. Etnicheskaya instoriya aynov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov v kontekste rossiisko-yaponskikh territorial'nykh razmezhivaniy [Ethnic History of the Ainu of Sakhalin and the Kuril Islands in the Context of Russian-Japanese Territorial Delimitation]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 2, pp. 213—230. (In Russ.)
 15. *Yaponskie voennoplennye v SSSR: 1945—1956*: sb. dok. [Japanese War Prisoners in the USSR. 1945—1956. Collection of Documents]. Compl. by V.A. Gavrilov, E.L. Katsasonova. Moscow, MFD Publ., 2013, 784 p. (In Russ.)
 16. Kodama S. *Ainu: Historical and Anthropological Studies*. Sapporo, Hokkaido University School of Medicine Publ., 1970, 296 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 26.08.2021